

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ

1904–1905 гг.

XX военные
тайны
века

Е.Ю. СЕРГЕЕВ

Военные тайны XX века (Вече)

Евгений Сергеев

**Военная разведка России в борьбе
против Японии. 1904-1905 гг.**

«ВЕЧЕ»

2024

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521

Сергеев Е. Ю.

Военная разведка России в борьбе против Японии. 1904-1905 гг.
/ Е. Ю. Сергеев — «ВЕЧЕ», 2024 — (Военные тайны XX века
(Вече))

ISBN 978-5-4484-5624-4

Несмотря на то, что со дня окончания Русско-японской войны 1904-1905 гг. минуло уже сто двадцать лет, далеко не во все ее секреты и тайны удалось внести окончательную ясность. В книге рассказывается о малоизвестных страницах в истории войны — о деятельности российской военной разведки, о той роли, которую она сыграла в борьбе с упорным и коварным врагом. Издание основано как на уже опубликованных источниках, так и на новых архивных материалах и предназначено как для специалистов, так и для широкой читательской аудитории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-4484-5624-4

© Сергеев Е. Ю., 2024
© ВЕЧЕ, 2024

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Глава I. Военная разведка России накануне войны (1898–1903 гг.)	15
Структура и состав военно-разведывательных учреждений	15
Основные каналы получения сведений российской военной разведкой	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Сергеев
Военная разведка России в борьбе
против Японии. 1904–1905 гг.

© Сергеев Е. Ю., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Моей семье: супруге Ирине и детям – Денису и Олегу – посвящается

От автора

Сравнительные исследования роли имперских властных элит в структурах управления на этапе индустриальной модернизации, которая охватила ведущие державы более столетия назад, неизбежно ставят перед историком проблему оценки генезиса и эволюции специальных служб в этот период.

Интерес автора к данной проблематике стимулировался также тем обстоятельством, что в процессе подготовки концепции международного исследовательского мегапроекта, посвященного столетию Русско-японской войны 1904–1905 гг., к нему обратились профессора ряда университетов США и Канады с просьбой взять на себя нелегкую миссию написания исследовательской статьи. По замыслу зарубежных коллег, такая статья была призвана по-новому осветить проблемы организации военной разведки России в период маньчжурской кампании.

Идея показалась автору заслуживающей внимания, и поэтому он решил приступить к архивным изысканиям, параллельно знакомясь с имеющейся историографией по данной проблематике. Вскоре выяснилось, что круг серьезных работ отечественных и зарубежных авторов, так или иначе затрагивавших деятельность спецслужб, довольно ограничен, причем акцент делается либо на контрразведывательных операциях, либо на ярких эпизодах выполнения секретных заданий отдельными лицами. В целом же фактически отсутствовала панорамная картина огромных усилий, которые затратили российские военные разведчики для сбора, верификации, анализа и передачи по инстанциям сведений о противнике.

Учитывая эти соображения, у автора возникло стремление не ограничиваться узкими рамками статьи, а попытаться расширить их до полноценного монографического исследования, способного пролить свет на события той далекой эпохи.

Итогом почти трехлетней работы явилась эта книга, создание которой было бы невозможно без ценных советов профессоров Д. Схиммельпенника ван дер Ойе, Б. Меннинга и Д. Вольфа, а также уважаемых рецензентов и коллег – сотрудников Института всеобщей истории РАН доктора исторических наук Ар. А. Улуяна, доктора исторических наук В. К. Шацилло и научного сотрудника Н. Ю. Степанова. Существенную помощь в уточнении биографических данных и поиске необходимых материалов автору оказали научные сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки России и Российского государственного военно-исторического архива, особенно главный специалист к.и.н. И. В. Карпеев.

Выражаю всем им свою искреннюю признательность.

Слова глубокой благодарности я адресую также членам моей семьи: супруге Ирине и сыновьям – Денису и Олегу, без благожелательного содействия которых достижение поставленной цели вряд ли было возможно.

Евгений Сергеев
Москва, май 2004 г.

Предисловие

Даже победоносная война с Японией будет тяжким наказанием для России, и история никогда не простит тем советникам государя, которые убедили его принять настоящие решения, если они приведут к войне.

А. Л. Куропаткин, генерал от инфантерии, военный министр

Русско-японская война 1904–1905 гг. вошла в историю как одно из первых крупномасштабных столкновений первоклассной континентальной военной державы, которой выглядела Россия в глазах общественности большинства стран, и небольшого, быстро прогрессирующего островного государства, претендовавшего на лидирующую роль в Восточной Азии.

Говоря о предпосылках войны, следует подчеркнуть, что стремление Российской империи «встать твердой ногой» на берегах Тихого океана совпало по времени с попытками Японии преодолеть ограниченность своего географического положения, направив усилия к захватам стратегически важных территорий на материке. Таким образом, с одной стороны, Петербург подготавливал почву для широкой колонизации Внешней Монголии, Маньчжурии и Кореи, однако с другой – Токио не желало уступать инициативу в этих же регионах, претендуя на доминирование, по крайней мере, на Корейском полуострове, имевшем для Японской империи не только экономическое, но, прежде всего, стратегическое значение.

Известную роль в развязывании вооруженного конфликта сыграли и амбиции двух императоров. Молодому российскому самодержцу Николаю II требовалась своя победоносная война, а умудренному опытом представителю Хризантемовой династии императору Муцухито необходимо было пробой сил с крупнейшим государством Евразии подтвердить правильность курса на модернизацию страны, окончательно закрепившись в группе великих держав.

Таким образом, еще до первых выстрелов орудий японского флота в прибрежных водах Порт-Артура и Чемульпо отношение к войне политической элиты, армии и широких масс населения обеих империй было различным. Для русских она представлялась локальным конфликтом на далекой колониальной периферии, чем-то вроде подавления движения плохо вооруженных китайских мятежников – ихэтуаней в 1900–1901 гг. Совершенно иное восприятие надвигавшегося противоборства с «северным колоссом» формировалось в сознании японцев, которые рассматривали военную победу как необходимое условие дальнейшего процветания их родины.

Высокий моральный дух, национальное сплочение, длительная подготовка вооруженных сил, выгодное географическое положение, дипломатическая поддержка Великобритании и благожелательный нейтралитет США – все эти факторы, по мнению Токио, должны были обеспечить разгром царских армий и флота в относительно короткие сроки. И здесь как никогда возростала роль военной разведки, которая была призвана обеспечить командование исчерпывающей информацией о состоянии дел у противника.

С другой стороны, резкая активизация усилий Петербурга по колонизации Маньчжурии наряду с маниакальным стремлением Николая II обеспечить империи незамерзающую военноморскую базу на берегах Тихого океана также требовали серьезного улучшения сбора сведений о соседях России в Восточной Азии, а по сути – ставили на повестку дня задачу формирования центральных и периферийных структур военной разведки.

Первые шаги в этом направлении были сделаны Главным штабом еще до 1904 г., но лишь опыт, приобретенный вооруженными силами на сопках Маньчжурии и в водах Тихого океана, позволил завершить процесс создания военно-разведывательной службы России.

Нельзя сказать, что драматические события Русско-японской войны оставили равнодушными современников. С первых залпов орудий на страницах периодических изданий публиковалась фотохроника жизни фронта и тыла маньчжурских армий и флота. Достаточно упомянуть еженедельные репортажи на страницах журнала «Летопись войны с Японией». Всего за 1904–1905 гг. увидели свет 84 номера этого издания, которые содержат ценные документальные и иллюстративные материалы¹.

Кроме того, еще до подписания мирного договора в Портсмуте начали выходить статьи и даже книги, содержавшие наблюдения и оценки участников событий. В частности, особого упоминания заслуживает такой информативный источник, как сборник сообщений слушателей и преподавателей Николаевской академии Генерального штаба, изданный в 1906–1907 гг. под редакцией известного военного теоретика, профессора А. К. Байова².

По понятным причинам большинство этих публикаций носила характер рассмотрения вопросов, так сказать, «в первом приближении», да еще на фоне эмоционального восприятия неудач русского оружия в Маньчжурии³. Требовалась определенная временная дистанция для более объективного и глубокого анализа как всей дальневосточной кампании, так и отдельных ее аспектов.

Что же касается места и роли военной разведки в японской войне, то первые аналитические работы по интересующей нас тематике были изданы в 1907–1911 гг. – период активного реформирования вооруженных сил царской России. Наибольший интерес среди них представляют воспоминания офицеров, непосредственно создававших систему военно-разведывательной службы на различных уровнях. Можно назвать сочинения Д. П. Парского, И. К. Шахновского, Э. А. Верцинского, М. В. Грулева, П. И. Измestьева, А. А. Свечина, А. Скосаревского, Н. А. Ухач-Огоровича и др.⁴

Несколько особняком в этом списке стоит работа В. В. Буняковского «Служба безопасности войск. Охранение и разведывание по опыту и с примерами из Русско-японской войны 1904–1905 гг.», которую после издания в 1909 г. использовали как учебное пособие в училищах и академиях⁵.

Не следует упускать из виду и, хотя довольно тенденциозные, но насыщенные любопытными наблюдениями и деталями мемуары А. А. Игнатьева, находившегося в центре событий фактически всю войну. Правда, издавались они через много лет после маньчжурских событий⁶.

Критические оценки и нелюбимые для русского командования выводы, отличавшие эти работы, дополнялись впечатлениями иностранных наблюдателей, опубликованными в переводе на русский язык почти сразу же после окончания войны. Как правило, они официально являлись либо военными атташе, либо журналистами, но, будучи прикомандированы к российским или японским штабам, негласно выполняли разведывательные функции. При этом особую активность по вполне понятным причинам демонстрировали формальные союзники

¹ Летопись войны с Японией. 1904, № 1–40; 1905, № 41–84.

² Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба / Ред. А. К. Байов. Ч. 1–2. СПб., 1906–1907.

³ См. напр.: Козлов В. Д. В тылу у японцев. Очерки. СПб., 1904.

⁴ Парский Д. П. Воспоминания и мысли о последней войне (1904–1905 гг.) СПб., 1906; Шахновский И. К. Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период минувшей Русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб., 1906; Верцинский Э. А. Усиленная разведка частей 1-го Сибирского корпуса (в долине реки Сидалихэ). СПб., 1907; Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. СПб., 1908; Измestьев П. И. О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. Варшава, 1910; Свечин А. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Ораниенбаум, 1910; *его же*. Тактические уроки Русско-японской войны. СПб., 1912; Скосаревский А. Из боевой жизни офицера-разведчика в Русско-японскую войну (психологический этюд). СПб., 1911; Ухач-Огорович Н. А. Маньчжурский театр военных действий в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Киев, 1911.

⁵ Буняковский В. В. Служба безопасности войск. Охранение и разведывание по опыту и с примерами из Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1909.

⁶ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. 3-е изд. М., 1998.

России – французы, Японии – англичане и представители, вероятно, самого заинтересованного в затягивании войны государства – немцы⁷.

Пожалуй, уникальной среди книг и брошюр данного типа является небольшая по объему публикация впечатлений англичанина У. Гринера, проехавшего в канун войны всю Россию с запада на восток и находившегося несколько недель в Порт-Артуре. Автор воспоминаний не скрывает, какую миссию он осуществлял под «крышей» корреспондента лондонской «Таймс». Следует отметить, что У. Гринер отдавал должное организаторам обороны российской морской крепости и офицерам военной разведки⁸.

Поскольку данные лица были менее связаны рамками цензуры, информация, которая содержалась в их работах, несомненно, представляет для исследователя большой интерес.

К числу очевидных просчетов российской военной разведки отечественные, а также зарубежные авторы относили поверхностное, искаженное представление о потенциале вероятного противника, отсутствие продуманного плана организации разведывательного цикла, т. е. сбора информации, ее анализа и подготовки оперативных сводок, слабую координацию усилий различных ведомств и штабов, ограниченность сети тайной агентуры, преувеличение роли кавалерийских отрядов и групп для отслеживания перемещений противника, недостаточное использование технических средств наблюдения за его позициями.

В ряде обобщающих работ по истории конфликта, опубликованных до 1914 г., сюжеты, связанные с организацией военной разведки, освещались далеко не в полном объеме. Отметим только фундаментальный труд А. Н. Куропаткина «Записки о Русско-японской войне», на страницах которого автор достаточно подробно изложил причины поражения войск под своим командованием⁹.

Своеобразный итог размышлений на тему становления военно-разведывательной службы в позднеимперской России подвели две работы: одна – профессора академии Генерального штаба, занимавшего в 1904–1905 гг. должность помощника старшего адъютанта штаба 2-й Маньчжурской армии, генерал-майора П. Ф. Рябикова, а другая – видного руководителя уже советской разведки К. К. Звонарева (Звайгзне)¹⁰.

Однако если у первого из названных специалистов отмечаются как упомянутые отрицательные моменты, так и положительные тенденции в становлении военной разведки, например, при разделении «добывающих» и «обрабатывающих» функций, появлении методики верификации сведений, поступавших от лазутчиков, изменении структуры разведывательных сводок, предназначенных для командования и войск, то у второго наряду с использованием богатого фактического материала преобладает нелицеприятная, порой огульная критика всей деятельности специальных органов в центре и на местах, а некоторые утверждения просто ошибочны. Это касается, скажем, оценки донесений российских военных атташе до и во время войны, рекогносцировок местности топографами, агентурной работы штабов и военных комиссаров¹¹.

⁷ *Кан Р.* Из вражеского стана. Пер. с франц. СПб., 1905; *Иммануэль Ф.* Русско-японская война в военном и политическом отношении. Пер. с нем., СПб., 1906. Вып. 1–4; *Нодо Л.* Письма о войне с Японией. Пер. с франц. СПб., 1906; *Азиатикус.* Разведка во время Русско-японской войны / Пер. с англ. Вып. 12 СПб., 1907; *Гамильтон Я.* Записная книжка штабного офицера во время Русско-японской войны / Пер. с англ. СПб., 1907; *Рэжули Р.* Десять месяцев на японо-русской войне 1904–1905 гг. / Пер. с англ. СПб., 1907; *Теттау Э.* Восемнадцать месяцев с русскими войсками в Маньчжурии. СПб., 1908; *Роллэн.* Военно-разведывательная служба в мирное и военное время / Пер. с франц. СПб., 1909; *Родеваль Р.* Разведка и шпионаж / Пер. с франц. // Военное дело за границей. Варшава. 1911. № 27.

⁸ *Greener William.* A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905.

⁹ *Куропаткин А. Н.* Записки о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909 (2-е изд. СПб., 2002; 3-е изд. М., 2003).

¹⁰ *Рябиков П. Ф.* Разведывательная служба в мирное и военное время. Т. 1–2. Томск, 1919; *Звонарев К. К.* Агентурная разведка. Кн. 1–2. М., 1929–1931 (2-е изд. Кн. 1–2 М., 2003).

¹¹ См.: *Звонарев К. К.* Агентурная разведка. Кн. 1. М., 2003. С. 31, 37, 43, 65, 74–75, 77, 79.

Апофеозом негативного отношения советского эксперта к своим предшественникам, многое из опыта которых он сам впоследствии использовал, явилась фраза, звучащая как обвинительный вердикт:

«Итак, можно сказать, что русская армия начала и кончила войну с Японией без разведки, без знания своего противника»¹².

В реальности, как будет показано ниже, столь категоричное суждение не выдерживает проверки источниками, нуждаясь в серьезной корректировке.

Драматические события Первой мировой, а затем и Гражданской войн надолго вытеснили из поля зрения исследователей сюжеты 1904–1905 гг. Некоторый всплеск интереса к деятельности специальных служб, хотя главным образом по вопросам контрразведывательных операций против иностранных шпионов, наблюдался лишь накануне и в период Второй мировой войны, когда практическая сторона их организации имела решающее значение¹³.

Авторы нескольких монографий, опубликованных на протяжении 1930–1980-х гг. в Советском Союзе и за его пределами, уделяли главное внимание описанию общего хода войны, почти не затрагивая интересующей нас тематики, либо ограничиваясь ссылками на мнения уже названных исследователей. Основная причина игнорирования ими деятельности военной разведки заключалась в недоступности многих архивных фондов¹⁴.

Открытие российских хранилищ в начале 1990-х гг. вызвало бурный рост интереса к освещению становления отечественных специальных служб. За последнее десятилетие написаны статьи, изданы монографии и защищены диссертации, в которых рассматриваются отдельные стороны формирования и эволюции военно-разведывательных структур Российской империи накануне и в годы противоборства с Японией. Из заслуживающих внимания работ отечественных специалистов назовем исследования И. В. Деревянко, А. Ю. Шелухина, И. С. Макарова, М. Алексеева, И. Н. Кравцева, В. В. Глушкова и А. А. Шаравина¹⁵. Свою лепту в изучение указанной тематики внесли авторы первого тома «Очерков истории российской внешней разведки» под редакцией академика Е. М. Примакова¹⁶. Деятельность военных агентов накануне и в период маньчжурской кампании освещена В. Петровым, П. Э. Подалко, Е. В. Добычиной и В. Кашириным¹⁷.

¹² Звонарев К. К. Агентурная разведка. Кн. 1. М., 2003. С. 81.

¹³ Вотшинов А. П. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939; Японский шпионаж в царской России. Сборник документов / Сост. И. Никитинский. М., 1944.

¹⁴ Левцкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938; Лучинин В. В. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1940; Сорокин А. И. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-исторический очерк. М., 1956; История Русско-японской войны, 1904–1905 гг. / Ред. И. И. Ростунов. М., 1977; Золотарев В. А., Козлов И. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990; Шаццлло В. К., Шаццлло Л. А. Русско-японская война. 1904–1905. Факты. Документы. М., 2004; Hoyt E. The Russo-Japanese War, 1904–1905. London, 1967; Martin Ch. The Russo-Japanese War. London, 1967 (изд. на русск. яз. М., 2003); Knight F. Russia Fights Japan. London, 1969 (изд. на русск. яз. М., 2003); Walder D. The Short Victorious War. The Russo-Japanese Conflict, 1904–1905. London, 1973; Warner D., Warner P. The Tide at Sunrise. A History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London, etc, 1974; Westwood J. Russia against Japan, 1904–1905. A New Look at the Russo-Japanese War. London, 1984; Connaughton R. The War of the Rising Sun and Thumbing Bear: A Military History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London – New York, 1988.

¹⁵ Деревянко И. В. Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг. // Военно-исторический журнал, 1989, № 5. С. 76–78; Шелухин А. Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906–1914 гг.) // Вестник МГУ Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 17–31; Макаров И. С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 202–220; Алексеев М. Военная разведка России от Юрия до Николая II. М., 1998. Кн. 1–2; Кравцев И. Н. Тайные службы империи. М., 1999; Глушков В. В., Шаравин А. А. На карте Генерального штаба – Маньчжурия. Накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000.

¹⁶ Очерки истории российской внешней разведки / Ред. Е. М. Примаков. М., 1995. Т. 1.

¹⁷ Петров В. Из предьстории Русско-японской войны. Русские военно-морские агенты в Японии (1858–1917) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах, 1996. Кн. 6. С. 52–94; Подалко П. Э. Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // Япония. Ежегодник, 2001–2002. М., 2002. С. 362–387; Добычина Е. В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. (1898–1901) // Вопросы истории, 1999, № 10. С. 127–131;

Среди зарубежных авторов выделяются работы современного американского военного историка Брюса Меннинга и особенно профессора университета Брокса в Торонто Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе.

Капитальный труд первого ученого, посвященный эволюции царской армии, начиная с эпохи милютинских реформ вплоть до 1914 г., содержит главу о различных аспектах Русско-японской войны, и разведки в том числе. Критикуя, частью заслуженно, а частью не совсем корректно, организацию военно-разведывательной деятельности в России накануне и в ходе маньчжурской кампании, профессор Меннинг приходит к однозначному выводу о том, что А. Н. Куропаткин «был плохо обеспечен в области тактической разведки»¹⁸.

Главным итогом научных штудий Д. Схиммельпеннинка следует считать чрезвычайно сжатое, а потому излишне схематичное изображение основных направлений и методов организации военно-разведывательной службы на дальневосточном фронте в период боевых действий¹⁹. Введение в оборот новых источников не смогло поколебать точку зрения исследователя, сформулированную им еще в середине 1990-х гг. На страницах одной из последних статей он вновь стремится убедить читателя в том, что «на стратегическом уровне Россия вступила в войну, не зная практически ничего о возможностях противника», а также, что «с самого начала военных действий русская тактическая разведка не смогла предоставить своему командованию ясную картину намерений и возможностей» японцев²⁰.

Изучение работ упомянутых зарубежных историков показывает, что, несмотря на различия в нюансах, как Б. Меннинг, так и Д. Схиммельпеннинк испытали сильное воздействие «критических стрел» К. К. Звонарева, выпущенных им в адрес царской военной разведки. Отсюда традиционный для советской и зарубежной историографии акцент на провалах российских разведчиков, обвинения их в неподготовленности, некомпетентности, пассивности и других «грехах», хотя основная причина «катастрофы разведки» усматривалась, например Д. Схиммельпеннинком, все же в «слепой самонадеянности генералитета» и «переоценке им собственных возможностей»²¹.

Представленный краткий обзор исследовательской литературы был бы неполным без упоминания работ японского профессора Чихару Инаба. К сожалению, нам оказалась доступной его единственная статья, опубликованная в переводе на русский язык и посвященная малоизвестным фактам использования военной разведкой России телеграфа для перехвата и дешифровки секретной корреспонденции противника накануне и в годы войны²².

При всех несомненных достоинствах перечисленных исследований их авторы либо рассматривали отдельные сюжеты функционирования разведывательных структур на фоне событий 1904–1905 гг., либо освещали этот процесс в контексте более широкой проблематики²³. Однако до настоящего времени отсутствовал комплексный анализ подготовки разведывательных органов Российской империи к войне, истории их организации и эволюции на протяже-

Она же. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 гг. // Отечественная история, 2000, № 4. С. 161–170; Каширин В. «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного штаба // Родина. 2004. № 1. С. 38–44.

¹⁸ Menning B. Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992. P. 32.

¹⁹ Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904–1905 // Intelligence and National Security, Jan. 1996. V. XI. № 1. P. 22–31.

²⁰ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте / Пер. с англ. // Родина. 2004. № 1. С. 34–37.

²¹ См., напр.: Schimmelpenninck van der Oye, David. Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904–1905. P. 29; Она же. Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте. С. 37.

²² Инаба Чихару. Из истории разведки в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Международная телеграфная связь и перехват противником // Отечественная история, 1994, № 4–5. С. 222–227.

²³ Нам кажется трудно объяснимым, что ряд зарубежных и отечественных авторов предпочли обойти фактически полным молчанием сюжеты Русско-японской войны, см.: Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб. Пер. с франц. М., 1997. Т. 1; Колтакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. М., 2000.

нии маньчжурской кампании. Не получил должного освещения опыт, полученный разведкой в борьбе против Японии и оказавший значительное влияние на превращение разведывательной службы в особый институт вооруженных сил нашей страны.

Поэтому цель автора настоящей монографии состояла в попытке заполнения указанного пробела на основе расширения источниковой базы через привлечение значительного пласта ранее неизвестных архивных материалов или нового прочтения хотя и опубликованных, но мало используемых специалистами документов.

Основу корпуса источников составили фонды штабов различного уровня, округов и комиссариатов, материалы личных собраний участников и очевидцев, а также коллекции Военно-Ученого архива (ВУА), которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА).

Кроме того, были привлечены документы другого федерального хранилища – Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Мы имеем в виду фонды Главного Морского штаба и заместника царя на Дальнем Востоке – адмирала Е. И. Алексеева.

Большая часть использованных материалов представляет собой служебную переписку офицеров Главного и Генерального штабов: рапорты и донесения, доклады и записки, аналитические обзоры и предложения по конкретным вопросам. Ценным дополнением к указанным документам служат карты, схемы, фотографии и рисунки, позволяющие получить более объемное, визуальное представление о событиях на Маньчжурском фронте, а также отследить на местности динамику изменения ситуации в прифронтовой полосе, на флангах и в тылу действующих армий²⁴.

В то же время изучение этой группы источников довольно трудоемко, поскольку сведения, представлявшие для нас интерес, оказались расплывены по множеству единиц хранения. С другой стороны, кропотливый архивный поиск может принести вдумчивому исследователю неожиданные находки и даже небольшие открытия.

К примеру, перекрестное использование различных источников помогло уточнить представления историков о событиях столетней давности и исправить фактические ошибки, кочующие из одной работы в другую. Сказанное относится, в частности, к военному агенту на Японских островах Г. М. Ванновскому, которого ряд отечественных и зарубежных исследователей приняли за сына военного министра П. С. Ванновского – Б. П. Ванновского²⁵ (подробнее см. главу I).

Анализ архивных материалов вкупе с целым рядом мемуарных источников и периодики позволил впервые в историографии проследить становление российской военной разведки в дальневосточном регионе, осветить ее вклад в подготовку к вооруженному конфликту, исследовать основные фазы открытого столкновения с противником, с точки зрения эволюции разведывательных структур, наконец, связать результаты войны с последовавшими реформами вооруженных сил империи.

В то же время круг задач, определенных автором настоящего исследования, мог оказаться неполным, если бы он не сумел оформить итоговый список личного состава разведывательных органов на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. Решение этой проблемы потребовало привлечения не только служебной корреспонденции разного уровня значимости, но и изучение отчетов разведывательных отделений штабов главнокомандующего и командующих тремя

²⁴ См., напр.: Русско-японская война на суше и на море. Художественный альбом с текстом. СПб., 1904. Вып. 1–8; Русско-японская война и ее герои. Иллюстрированная хроника войны. Вып. 1–6. СПб., 1904.; The Russo-Japanese War. Fully Illustrated. Tokyo, 1904–1908. Vol. 1–8.

²⁵ Указанная ошибка была, например, повторена Д. Схиммельпеннинком в одной из последних статей, см.: Шапки не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте. С. 35.

маньчжурскими армиями, часть которых была уже опубликована либо сразу после подписания мира, либо современными историками²⁶.

Серьезное внимание стоило уделить и итоговым многотомным изданиям сухопутной и морской исторических комиссий, которые по поручению самого Николая II на протяжении нескольких лет трудились над описанием только что закончившейся войны. Дело в том, что спорные, а порой и явно ошибочные выводы их членов не являются препятствием для использования историками богатого фактического материала, сопровождаемого подробными схемами и картами²⁷.

Большое значение для нас имел анализ сборника разведывательных сводок, составленных генштабистами за период войны. Они позволили проследить совершенствование методики обработки информации, поступающей в разведывательные отделения по разнообразным каналам: от военных атташе, секретной агентуры, пленных, войсковых разведчиков, зарубежной прессы, морских судов и даже подводных лодок²⁸.

Необходимо сказать также и о введении в научный оборот произведений художественной литературы, помогающих ощутить своеобразие давно ушедшей эпохи, ее «дух» и колорит. Речь идет об известном рассказе А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», романе П. Далецкого «На сопках Маньчжурии», выпущенном в Советском Союзе к пятидесятилетию начала Русско-японской войны в двух томах, а также произведениях В. Пикуля и современного беллетриста Б. Акунина²⁹ (иностранный агент).

Завершая предисловие, необходимо оговориться, что объектом исследования стала именно *военная разведка*, причем главным образом сухопутных сил, поскольку действия российского флота при всей их значимости носили все же ограниченный характер. За рамками монографии осталась другая большая тема – противоборство возникавших органов контрразведки с японскими шпионами, которые проникали глубоко в тыл действующих армий и имели контакты с антиправительственными силами. Как представляется, эти сюжеты уже довольно подробно освещены в специальных работах, увидевших свет за последние годы³⁰.

Структура книги, предлагаемой читателю, помимо предисловия, включает четыре главы, написанных с использованием проблемно-хронологического подхода, и послесловия, содер-

²⁶ Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии (26 октября 1904 – 1 сентября 1905 г.). М., 1906; Отчет о деятельности Управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии за время войны 1904–1905 гг. СПб., 1907; Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии (с начала войны по 26 октября 1904 г.) и штаба главнокомандующего (с 26 октября 1904 г. по 25 февраля 1905 г.); Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем с 4 марта 1905 г. по 31 августа того же года. – В кн.: Тайны Русско-японской войны. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. / Сост. и публ. И. В. Деревянко. М., 1993. С. 159–178; 179–229. Что касается отчета разведывательного отделения 2-й Маньчжурской армии с октября 1904 г. по сентябрь 1905 г., то он не был опубликован, хотя и отложился в архивных фондах, см.: РГВИА. Ф. 14926. Оп. 1. Д. 26. Л. 3–21.

²⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны / Ред. В. И. Гурко. СПб., 1910–1914 гг. Т. 1–8; Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе. СПб., 1907–1914. Отд. I–IV.

²⁸ Сводки сведений о противнике, 1904–1905 гг. Харбин, 1905. Т. 1–2.

²⁹ Куприн А. И. Штабс-капитан Рыбников. – В кн.: Куприн А. Гранатовый браслет. Рассказы. М., 1998; Далецкий П. На сопках Маньчжурии. Ленинград, 1954. Т. 12; Пикуль В. Три возраста Окини-сан. М., 1984; Акунин Б. Алмазная колесница. М., 2004. Кн. 1–2.

³⁰ Павлов Д. Б. Российская контрразведка в годы Русско-японской войны // Отечественная история, 1996, № 1. С. 14–28; Аленко А. В. Японская контрразведка на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Кн. 2. М., 1997; Курмель Н. С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1907 гг.). Автореф. дисс. к. и. н. Иркутск, 1999; Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; Он же. «А как же следить за японцами, господа?» Наблюдения за передвижением иностранцев по Транссибу в 1906–1910 гг. // Родина. 2004. № 1. С. 80–83; Ермаченко И. О. «В борьбе с какой-то азиатской дрянью...» Шпиономания в годы Русско-японской войны // Родина. 2004. № 1. С. 75–79; Nish I. Japanese Intelligence and the Approach of the Russo-Japanese War. – In: Governments and Intelligence Communities in the XXth Century / Eds. C. Andrew, D. Dilks. London, 1984; Daly J. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905. Bloomington, 1998.

жащего размышления автора о последствиях маньчжурской кампании для военной разведки России.

В качестве приложения дается перечень офицеров и гражданских лиц, выполнявших разведывательные функции на протяжении войны.

Научно-справочный аппарат монографии состоит из примечаний к тексту, библиографического списка и именного указателя.

Транслитерация географических названий, личных имен и фамилий, а также некоторых понятий на языках народов Восточной Азии приводится в соответствии с современной орфографией русского языка. Все события и документы, кроме специально оговоренных случаев, датируются сначала по старому (юлианскому), а затем по новому (григорианскому) календарям.

Глава I. Военная разведка России накануне войны (1898–1903 гг.)

...Хорошо организованная еще в мирное время разведочная служба исключительно одна может дать возможность составления расчета и правильного плана операции.

Б. И. Доливо-Добровольский, капитан 1-го ранга, участник Русско-японской войны, начальник иностранной части Морского Генерального штаба

Структура и состав военно-разведывательных учреждений

История русской военно-разведывательной службы насчитывает не одно десятилетие и даже столетие. В работах, посвященных ее возникновению и эволюции, приводятся многочисленные примеры изучения противника до начала или в ходе вооруженных столкновений, начиная с похода славян на Византию в 860 г.³¹

Период реформ 60–70-х гг. XIX в. в России открыл совершенно новый этап организации военной разведки с учетом технологической модернизации и перехода к массовым армиям индустриальной эпохи. Отныне разведывательная деятельность в вооруженных силах подчинялась задачам непрерывного мониторинга сил и средств не только вероятного противника, но и дружественных, а также нейтральных государств³². Иными словами, возникло понимание необходимости обеспечения трех основных фаз разведывательного цикла: сбора сведений, их анализа и доведения оценок до руководителей соответствующего уровня³³.

В результате структурных модификаций к началу XX в. координация военно-разведывательной деятельности осуществляли два органа Главного штаба сухопутных сил: Военно-ученый комитет (ВУК) и Азиатское делопроизводство (часть). Примерно по такой же, но упрощенной схеме, была организована разведка флота – через Военно-морской ученый отдел Главного морского штаба.

Дальнейшие преобразования центрального аппарата вооруженных сил в 1900–1903 гг. привели к созданию генерал-квартирмейстерской части, которая была разделена на два управления: 1-е и 2-е. Именно 2-й генерал-квартирмейстер курировал изучение ситуации в ближнем и дальнем зарубежье силами офицеров 7-го отделения по военной статистике иностранных государств – структуры, подчиненной 1-му военно-статистическому отделу. Аналогичным образом с апреля 1903 г. Военно-морской ученый отдел образовал так называемую стратегическую часть, оперативное отделение которой непосредственно отвечало за ведение разведки зарубежных флотов. При этом общая численность личного состава центральных разведывательных органов России в январе 1904 г. составляла 17 штатных единиц для сухопутной армии и 12 – для морских сил, к которым, правда, следовало добавить прикомандированных офицеров и гражданских чиновников, а также обслуживающий персонал: писарей, курьеров и т. п.

³¹ Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 1. С. 10; Очерки истории внешней разведки. Т. 1. С. 13–20.

³² Подробнее см.: Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 51–73; Schimmelpenninck van der Oye D. Reforming Military Intelligence. – In: D. Schimmelpenninck van der Oye, B. W. Menning., eds. Reforming the Tsar's Army. Cambridge, 2004. P. 133–150.

³³ Энциклопедия военных и морских наук. Т. 6 / Ред. Г. А. Леер. СПб., 1883–1897. С. 243–244; Энциклопедический словарь. Т. 26. СПб., 1899. С. 136–137.

Все они обеспечивали поступление и анализ информации о военном потенциале более чем 20 стран мира³⁴.

Тематика и направления работы указанных органов прослеживаются на основании распоряжений начальников соответствующих министерств. Так, в приказе по военному ведомству № 133 от 11 (24) апреля 1903 г. круг задач офицеров 7-го отделения определялся как «сбор, обработка и издание военно-статистических материалов по иностранным государствам; переписка по военно-агентурной части; командирование офицеров с научными целями, рассмотрение изобретений по военной части». Важно отметить, что этим распоряжением окончательно ликвидировалось Азиатское делопроизводство Главного штаба, которое ранее контролировало военно-разведывательную деятельность в государствах Востока³⁵.

Таким же, хотя и несколько расширенным, очерчивался комплекс обязанностей стратегического отделения Военно-морского учебного отдела. Приказ министра, в частности, закреплял за ним «изучение способов и средств для крейсерской войны в океанах; составление статистических сведений о торговых флотах иностранных держав, о коммерческих в них портах и угольных станциях во всех частях света, о направлении главных торговых путей и пунктах пересечения их... собрание сведений о приготовлениях и действиях иностранных флотов в случае войны... переписку с русскими военно-морскими агентами в иностранных государствах; сообщение полученных от них сведений, материалов и документов в надлежащие учреждения морского и других министерств...»³⁶.

Смещение оперативных и аналитических функций вновь образованных центральных органов военной разведки России обусловило появление двух дополнительных делопроизводств в их составе. Решение задачи поддержания связи с атташатами за рубежом и негласной агентурой за рубежом возлагалось на офицеров «особого» делопроизводства 7-го отделения Главного штаба сухопутных сил и чинов оперативного отделения стратегической части Главного морского штаба. Однако, как справедливо отмечали исследователи, негативной стороной упорядочения обязанностей явилась почти полная обособленность контактов с официальными военными агентами от других направлений разведывательной деятельности³⁷.

Ситуация осложнялась автономией и параллелизмом процесса получения конфиденциальных сведений по более узким вопросам другими центральными органами военного министерства (например, Главным инженерным управлением, Главным артиллерийским управлением, Главным крепостным комитетом и т. д.), а также штабами округов и флотов. Следствием такого распыления сил явилась низкая эффективность добывания и анализа разведанных офицерами-артиллеристами или инженерами, обусловленная незнанием ими специфики разведывательного цикла и нередким взаимным дублированием источников секретной информации³⁸.

Сложившееся положение дел могло бы еще показаться терпимым, если бы вмешательство в сферу агентурных операций военных органов не проводилось, кроме того, информационными службами других ведомств: министерствами иностранных и внутренних дел, двора, финансов, торговли и промышленности и даже Святейшим Синодом. Хотя, справедливости

³⁴ Звонарев К. К. Агентурная разведка. М., 2003. Кн. 1. С. 24–26; Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 84–86, 306–313; Сергеев Е. Ю., Улюмян Ар. А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. М., 2003. С. 22–23.

³⁵ Подробнее см.: Макаров И. С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.). В сб.: Многоликая история, 1997. С. 202–220.

³⁶ Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1903 г. № 133 СПб., 1903; Свод морских постановлений. Кн. 1. СПб., 1901. Ч. 2. С. 9.

³⁷ Звонарев К. К. Указ. соч. Кн. 1. С. 25; Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 85–86.

³⁸ Примеры см.: Звонарев К. К. Указ. соч. Кн. 1. С. 26.

ради, следует подчеркнуть, что их прямые обязанности исключали целенаправленный и систематический сбор сведений, касающихся обеспечения военной безопасности империи³⁹.

Обратившись к региону Дальнего Востока в период, непосредственно предшествовавший Русско-японской войне, т. е. с момента занятия военно-морскими силами России Порт-Артура в 1898 г. до января 1904 г., укажем на местные, территориальные органы, выполнявшие разведывательные функции. К ним, прежде всего, следует отнести отчетное отделение штаба Приамурского военного округа, дислоцированного в Хабаровске. Именно ему до момента создания разведывательного органа как самостоятельной структуры отводилась главная роль в сборе сведений о сопредельных странах.

К сожалению, на протяжении рассматриваемого отрезка времени сотрудники отчетного отделения проявляли недопустимую пассивность в интересующей нас сфере. Объяснением может служить не только отсутствие специальной подготовки штабных офицеров, но и ограничение Петербургом даже слабых попыток инициативных действий с их стороны. Бесспорным свидетельством выступил, к примеру, отказ Главного штаба ассигновать испрашиваемую сумму средств на развертывание тайной агентурной сети на Дальнем Востоке в 1902 г.⁴⁰ Пожалуй, одним из немногих заметных достижений офицеров-геодезистов округа явилось составление военно-статистического описания Маньчжурии, которое послужило основой для подготовки справочников о вооруженных силах соседних государств, а также точных одноверстных, двухверстных и четырехверстных карт отдельных районов будущего театра военных действий⁴¹. Примечательно, что японцы переиздали русскую двухверстную карту в переводе на свой язык и затем активно использовали ее в ходе войны⁴².

Заключение договора об аренде Порт-Артура между Россией и Китаем и строительство Китайской Восточной, а также Южно-Маньчжурской железных дорог (соответственно КВЖД и ЮМЖД) заставили царское правительство приступить к комплектованию штабов Квантунской области и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. К середине 1903 г. оба они были выведены из-под прямого контроля военного ведомства: первый – через учреждение Наместничества во главе с генерал-адъютантом, адмиралом Е. И. Алексеевым 30 июля (12 августа), а второй – через подчинение министру финансов, сначала – С. Ю. Витте, а в дальнейшем – его преемникам на этой должности.

Оценивая деятельность чинов штаба, дислоцированного в Порт-Артуре, известный публицист А. Хвостов, написавший серию путевых репортажей о своих впечатлениях от «Желтой России», подчеркивал:

«Под руководством первого русского начальника Квантунской области, генерала Д. И. Субботича за первые три года русского управления на Квантуне собраны его помощниками, офицерами Генерального штаба, драгоценные сведения об этом новом для нас крае»⁴³.

Что касается деятельности штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, то она до войны концентрировалась на обеспечении безопасности сооружений в полосе отчуждения строившихся магистралей и отражении нападений восставших ихэтуаней («боксеров») в 1900–1901 гг., а позднее – шаек «краснобородых» – по-китайски – хунхузов, представлявших собой частью бывших участников боксерского восстания, частью примкнувших к ним позднее городских маргиналов и наиболее активных членов сельских отрядов самообороны⁴⁴.

³⁹ Там же. С. 11–15; *Алексеев М.* Указ соч. Кн. 1. С. 111–140.

⁴⁰ *Звогарев К. К.* Указ соч. Кн. 1. С. 55.

⁴¹ Материалы по военно-статистическому описанию Маньчжурии, собранные офицерами Генштаба Приамурского военного округа в 1901 г. Т. 1–2. Хабаровск, 1902–1903.

⁴² *Свечин А. А.* Русско-японская война, 1904–1905 гг. Ораниенбаум, 1910. С. 16. Подробнее см.: *Глушков В. В., Шаравин А. А.* На карте Генерального штаба – Маньчжурия. Накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000. С. 14–15, 340.

⁴³ *Хвостов А.* Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке // *Вестник Европы.* 1902. № 10. С. 653–654.

⁴⁴ См.: *Шахновский И. К.* Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период

Как известно, русские войска принимали самое непосредственное участие в подавлении упоминавшегося движения ихэтуаней на территории Северо-Восточного Китая. Летом 1900 г. 35-тысячный международный экспедиционный корпус, ядро которого составили 7000 сибирских стрелков, совершил поход на Пекин с целью деблокирования посольского квартала, осажденного боксерами⁴⁵. Верховное командование интернациональными сухопутными силами осуществлял генерал-лейтенант Н. П. Линевиц. 1 (14) августа столица Цинской империи была очищена от восставших, а к концу сентября 1900 г. вся Маньчжурия была усмирена несколькими отрядами русских войск общей численностью до 25 тыс. штыков и сабель⁴⁶.

Осенью того же года для обеспечения взаимодействия с местными властями северо-восточных областей Китая были образованы русские военные комиссариаты, которые помимо представительских и координирующих функций отслеживали ситуацию в границах вверенных им территорий. Круг обязанностей военных комиссаров включал наблюдение «за развитием и организацией различных китайских войск в трех маньчжурских провинциях» Цицикарской (Хэйлуцзянской), Мукденской и Гиринской (Ляоянской), а также «за китайскими властями в смысле строгого исполнения ими договора 1902 года» об эвакуации русских войск с территории Маньчжурии. Свои донесения они направляли сначала в штаб Квантунской области, а с осени 1903 г. — наместнику, однако говорить о создании комиссарами накануне войны развитой агентурной сети, очевидно, не представляется возможным⁴⁷.

Разведывательная деятельность на море осуществлялась под руководством штаба эскадры Тихого океана, также подчиненного адмиралу Е. И. Алексееву. Наиболее исчерпывающие сведения о потенциале японского флота содержались в рапортах военно-морского атташе лейтенанта (а затем капитана 2-го ранга, будущего начальника Главного и Генерального Морского штабов) А. И. Русина, аккредитованного при российской дипломатической миссии с 1899 г. Он был обязан регулярно докладывать командованию об учениях японского ВМФ, ситуации в портах Страны восходящего солнца, продвижении по службе высших морских офицеров, постановке системы обучения на флоте, о принятии новых уставов и образцов вооружения⁴⁸.

Однако широта кругозора и высокий профессионализм Русина позволяли сообщать информацию, выходящую за пределы морской проблематики, например, о внутривнутриполитическом положении и состоянии японской армии. Поэтому более подробно вклад Русина в подготовку к войне на Дальнем Востоке целесообразно проанализировать вместе с аналогичной деятельностью сухопутных атташе России.

К традиционным средствам наблюдения, которые использовали моряки Тихоокеанской эскадры, относились корабли-станции, размещенные на постоянной основе в ряде портов Китая и Кореи: Шанхае, Чифу (Яньтае), Инкоу, Чемульпо (Инчхоне). Командиры станционных были обязаны изучать прибрежные страны с точки зрения их стратегического, торгового и промышленного значения для предупреждения всего того, что могло противоречить интересам России. В дополнение им следовало наблюдать за передвижением иностранных военных судов и настроениями среди их командного состава⁴⁹.

минувшей Русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб., 1906. С. 5–35.

⁴⁵ См.: Военные действия в Китае. Материалы Главного штаба / Сост. Полковник Овсяный. Ч. 1–2. СПб., 1910. Подробнее о дипломатической стороне участия русских войск в китайской кампании 1900–1901 гг. см.: Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897–1903 гг. М., 1998. С. 98–120.

⁴⁶ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 47–50.

⁴⁷ Звонарев К. К. Указ. соч. Кн. 1. С. 74–75; Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 143.

⁴⁸ «Предмет детального изучения...» / Публ. А. Буяков // Морской сборник. 1995. № 3. С. 91.

⁴⁹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну. Ч. 1. С. 16; Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 102–103.

Другое направление разведки на море обеспечивали боевые корабли легкого класса – миноносцы. Опыт испано-американской войны 1898 г. показал, что, обладая большой скоростью хода вкупе с повышенной маневренностью, они были способны осуществлять оперативное слежение за прибрежными водами в радиусе примерно двадцати миль от своих баз, в случае России – Порт-Артура, Владивостока, Петропавловска-Камчатского⁵⁰.

Значительный вклад в разработку принципов ведения разведки на море внес адмирал С. О. Макаров. В своем фундаментальном исследовании «Рассуждения по вопросам морской тактики» он первым обосновал необходимость использования таких технических новинок, как подводные лодки и радиостанции. И хотя они, как будет показано ниже, не смогли сыграть сколько-нибудь значительную роль в событиях 1904–1905 гг., начало применению специальных средств технической разведки было положено⁵¹.

Одним из существенных факторов организации военно-разведывательной службы на рубеже XIX–XX вв. являлось ее финансовое обеспечение. К сожалению, в нашем распоряжении имеются сметы расходов только военного ведомства, которые, естественно, не учитывали бюджетные ассигнования на эти цели по другим министерствам (морскому, финансов, внутренних дел и т. д.). Особый интерес представляют статьи расходов «по военным разведкам» Главного штаба. В 1902 г. общая сумма ассигнований на них составила 50 750 руб.⁵² К 1904 г. она возросла до 56 590 руб., хотя затраты собственно 7-го военно-статистического отделения не превышали 1000 руб.⁵³ Остальные средства распределялись между военными округами. Так, согласно отчетной ведомости за 1904 г., штаб Приамурского военного округа получил 12 000 руб., а штаб Квантунской области – 3000 руб. для осуществления секретных операций⁵⁴.

Кроме этого, в конце XIX – начале XX в. по интендантской смете ежегодно выделялось 149 420 руб. на содержание легальных военных агентов за рубежом из расчета 1200 руб. на каждого офицера⁵⁵. Причем, судя по их воспоминаниям, указанная сумма далеко не покрывала всех расходов атташе, особенно в европейских столицах⁵⁶. Конечно, уровень цен в дальневосточных странах был существенно ниже, однако необходимость согласования буквально каждого пункта затрат на добывание и обработку информации не только с Главным штабом, но и наместником приводила к значительным непредвиденным тратам российских военных агентов сверх казенных средств. Поэтому обладание дополнительными источниками доходов (например, недвижимостью) выступало одним из основных, хотя и официально не фиксированных, условий назначения генштабистов на эти должности⁵⁷.

События Русско-японской войны наглядно продемонстрировали, что объем бюджетных ассигнований на военную разведку был недостаточным, впрочем, как и эффективность использования даже таких малых сумм. Значительно больше средств требовалось не только для сбора разведанных официальными агентами, но и для организации сети конфиденциальных осведомителей с регулярной выплатой им жалованья. Наконец, не стоит забывать и о значительных расходах на усиление российского влияния в регионе через средства массовой информации. В этом аспекте Петербург безнадежно проигрывал европейским столицам, особенно Лондону,

⁵⁰ Л. – де А. Разведочные суда // Морской сборник. 1904. № 1. С. 15–29.

⁵¹ Золотарев В. А., Козлов И. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990. С. 31.

⁵² РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Л. 195. Л. 30–31. Докладная записка начальника Главного штаба В. В. Сахарова военному министру А. Н. Куропаткину, Санкт-Петербург, 28 февраля (13 марта) 1902 г.

⁵³ Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 145. Следует оговориться, что в статье А. Ю. Шелухина, специально изучавшего вопрос, приводится иная цифра – 56 920 руб., см.: Шелухин А. Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 24.

⁵⁴ Звонарев К. К. Указ. соч. Кн. 1. С. 41.

⁵⁵ Там же. С. 42.

⁵⁶ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1998. С. 301.

⁵⁷ Сергеев Е. Ю., Улуян Ар. А. Указ. соч. С. 40.

поскольку британскому правительству удавалось через японскую и китайскую прессу сформировать в умах местных обывателей образ России в виде «хищного бурого медведя», готового поглотить дальневосточные страны при первой возможности.

Сделанный вывод подтверждается корреспонденциями упоминавшегося выше публициста А. Хвостова для читателей журнала «Вестник Европы». Так, в ноябре 1902 г. он сообщал из Порт-Артура:

«Насколько русские газеты отличаются пессимизмом, настолько же английские выделяются шовинизмом, восхваляя все английское и понося все неанглийское, а в особенности все русское. Враждебность английской печати Дальнего Востока против всего русского превосходит всякое вероятие; для нее нет решительно ничего святого, так что чтение этих газет для русского человека подчас становится невыносимым. Нет той лжи, клеветы, глумления, которые бы эти газеты считали неудобным печатать против России».

И далее, что примечательно, автор приводит слухи, которые распространялись через англоязычные газеты в Китае, о подготовке десанта на Японские острова силами Тихоокеанской эскадры⁵⁸.

Переходя к характеристике личного состава военно-разведывательных органов, стоит отметить доминирование среди них выходцев из семей дворян – потомственных военных. Анализ их послужных списков показывает, что после окончания кадетских корпусов или военных училищ дальнейший путь претендентов на штабные должности проходил через Николаевскую академию Генерального штаба⁵⁹. К сожалению, изучение стран Дальнего Востока в российских военно-учебных заведениях всех уровней практически не проводилось. По воспоминаниям современников, «в военных кругах Японию знали также мало, как и везде... Даже в курсе военной статистики, изучающей наших противников, ни слова не обмолвились о ней»⁶⁰. Не удивительно поэтому, что будущим офицерам разведки «эта островная страна рисовалась каким-то игрушечным, миниатюрным государством», а в Петербурге распространялись слухи о сонной болезни, которой будто бы подвержены японцы, засыпавшие-де в самый неожиданный момент⁶¹.

В то же время обстоятельства нередко вынуждали петербургское начальство прикомандировывать выпускников других академий (артиллерийской, инженерной и т. п.), а также просто хорошо зарекомендовавших себя по службе офицеров к Генеральному штабу. Аналогичным образом кандидатуры для включения в список потенциальных военных атташе представлялись наверх командованием округов с приложением подробной аттестации, где специально обращалось внимание на «свойства характера, степень владения иностранными языками, любовь к делу и знание иностранных армий, степень житейской воспитанности и такта, семейное и материальное положение, так же как на внешнюю представительность»⁶².

Рассматривая качества, присущие офицеру разведки, например, скрытность, тонкость ума и выдержку, один из видных военных специалистов Франции периода Третьей республики – генерал Бюжо – отмечал:

«Лица, ведающие этой службой, должны быть выбраны из числа весьма хитрых и ловких, обладающих скрытным и эластичным умом. Их взгляд должен быть то кроток, то смел; они должны уметь читать по выражениям чужих лиц и отлично скрывать происходящее в их

⁵⁸ Хвостов А. Указ. соч. С. 186–187.

⁵⁹ Подробнее см.: Сергеев Е. Ю., Улунян Ар. А. Указ соч. С. 46–47.

⁶⁰ Рябишин А. А. На войне в 1904–1905 гг. Из записок офицера действующей армии. Одесса, 1909. С. 3.

⁶¹ Игнатьев А. А. Указ. соч. С. 143.

⁶² Алексеев М. Указ. соч. Кн. 2. С. 113.

собственной душе. Внешность их должна быть одновременно и приветливо-симпатичной, и внушительной, легко поддающейся исполнению любой роли»⁶³.

Не стоит упускать из виду и еще одно обстоятельство: назначение на высокие штабные должности, особенно связанные с процессом принятия решений, как правило, требовало содействия влиятельных покровителей вплоть до членов императорской фамилии. Широкое распространение среди военной бюрократии России кумовства и nepотизма, отмеченное историками, в ряде случаев приводило их к очевидным неточностям. Самым ярким примером является смешение биографий двух офицеров с одной, хорошо известной фамилией – Ванновский в работах таких исследователей, как И. В. Деревянко, М. Алексеев, Д. Схиммельпеннинк⁶⁴. Вместо прикомандированного к Генеральному штабу подполковника Г. М. Ванновского, который занимал должность военного атташе в Японии с 1900 по 1902 г., на этом посту обычно указывалось совсем другое лицо – старший сын министра П. С. Ванновского полковник Генерального штаба Б. П. Ванновский, никогда не бывавший на Японских островах⁶⁵.

Общий кругозор генштабистов, составивших ядро органов военной разведки России, был достаточно высок и в целом, по признанию современников, не отличался от уровня теоретической подготовки элитного офицерства Германии, Франции или Великобритании. Они хорошо знали военную историю, юриспруденцию и статистику крупнейших государств, топографию, один-два иностранных языка⁶⁶. Однако даже лучшим представителям командных кадров Российской империи были присущи такие недостатки, как безынициативность, стремление подменить рекомендации по конкретным вопросам обилием исходящих документов, отсутствие системности в штабной работе наряду с недостаточной координацией по горизонтали и исполнительностью по вертикали, а главное – слабое знание специфики военно-разведывательной службы.

Как позднее вспоминал А. А. Игнатъев, состоявший в должности военного атташе на протяжении 10 лет сначала в Стокгольме, а затем в Париже, будущих генштабистов не знакомили с азами военной разведки, которая не являлась учебной дисциплиной Николаевской академии и считалась даже делом «грязным», недостойным дворянина, а «предназначенным для сыщиков, переодетых жандармов и подобных им темных личностей»⁶⁷.

Только наиболее любознательные и дальновидные офицеры стремились расширить свой кругозор самостоятельно, заполнив пробелы в изучении потенциального противника. Один из них, назначенный командиром 140-го Зарайского полка Маньчжурской армии, рассказывал впоследствии, как перед отправкой из Петербурга на фронт он решил обратиться в Главный штаб за информацией по Японии. Ознакомившись с предоставленным ему «Сборником новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств» в части, касавшейся Страны восходящего солнца, офицер выписал для себя 14 наиболее значимых характеристик японской армии. Но впоследствии, в условиях реальных боевых действий, из них подтвердилась только одна, а все остальные оказались домыслами, как, например, утверждения о невысоком упорстве японцев, их стремлении избегать горной войны и обходных маневров⁶⁸.

⁶³ Роллэн. Военно-разведывательная служба в мирное и военное время. СПб., 1909. С. 5.

⁶⁴ См.: Деревянко И. В. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. – В кн.: Тайны Русско-японской войны. М., 1993. С. 149; Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 147 (хотя в справочном материале на с. 245 и 319 указан Г. М. Ванновский); Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904–05. P. 25; *idem*. Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте // Родина. 2004. № 1. С. 35; Примечательно, что ту же неточность на с. 192 допустили авторы «Очерков истории внешней разведки России».

⁶⁵ Список генералов по старшинству на 1 (14) июля 1906 г. СПб., 1906. С. 936; Список полковников по старшинству на 1 (14) ноября 1906 г. СПб., 1906. С. 225; Список чинов Генерального штаба на 1917 г. Пг., 1917. С. 20, 25.

⁶⁶ Подробнее см.: Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России, 1900–1914 гг. М., 2001. С. 41–42.

⁶⁷ Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 151.

⁶⁸ Мартынов Е. И. Воспоминания о японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910. С. 5.

Резюмируя, отметим, что к началу вооруженного конфликта с Японией структура и личный состав военно-разведывательных органов России переживали начальный этап трансформации с учетом опыта первых войн индустриальной эпохи: японо-китайской 1894–1895 гг., испано-американской 1898 г. и англо-бурской 1899–1902 гг. При этом даже современники указывали на недостаток профессиональной подготовки офицеров-разведчиков в сочетании с отсутствием практики по изучению потенциального противника и будущего театра военных действий.

Однако самое печальное заключалось в том, что к январю 1904 г. не было создано координирующего центра военной разведки на Дальнем Востоке, хотя военный атташе России в Китае полковник К. И. Вогак до начала конфликта представил в Петербург и штаб заместителя докладную записку с предложением возложить задачи организации военно-разведывательной службы в регионе на Управление генерал-квартирмейстера штаба Приамурского округа⁶⁹.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 14926. Оп. 1. Д. 22. Л. 43. Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем с 4 (17) марта по 31 августа (13 сентября) 1905 г.

Основные каналы получения сведений российской военной разведкой

Пожалуй, не будет преувеличением указать, что одним из главных источников сведений российской военной разведки о Японии в предвоенные годы являлись рапорты и аналитические записки атташе при дипломатических миссиях в Токио, Пекине и Сеуле.

С 1896 по 1899 г. пост военного агента в Стране восходящего солнца занимал полковник Н. И. Янжул, с 1900 по 1902 г. – упоминавшийся выше подполковник Г. М. Ванновский, а в последний предвоенный год – подполковник В. К. Самойлов. Кроме того, в 1896 г. военно-морское министерство также учредило должность атташе в Токио, которую последовательно занимали лейтенанты И. В. Будиловский (до 1897 г.), И. И. Чагин (на протяжении 1897–1899 гг.) и А. И. Русин (до начала войны).

Стратегическое значение и обширность территории Цинской империи обусловили необходимость аккредитации здесь сразу двух военных агентов. Таким образом, с 1896 до конца 1899 г. ими являлись полковники К. И. Вогак и Н. С. Сумароков. Последнего в 1900 г. заменил полковник К. Н. Десино. Местом пребывания Вогака являлся Тяньцзинь (с осени 1903 г. – Чифу), а Десино – Шанхай. Должности военно-морского атташе России в Китае до 1907 г. учреждено не было.

Наконец, в Корее с 1895 по 1902 г. военным агентом являлся подполковник (затем полковник) И. И. Стрельбицкий, на смену которому прибыл подполковник Л. Р. фон Раабен⁷⁰.

Заметным стимулом для усиления деятельности «дипломатов в погонах» в регионе явилась японо-китайская война 1894–1895 гг. Безоговорочная победа армии и флота микадо над количественно превосходящими, но технически отсталыми войсками Цинов произвела довольно сильное впечатление на заинтересованных российских наблюдателей. Еще тогда, за 10 лет до конфликта 1904–1905 гг., полковник К. И. Вогак пришел к выводу о высокой боеспособности японцев. Свои размышления по этому вопросу он изложил в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» за 1895 г.:

«Японская армия, – подчеркивал Вогак, – уже теперь представляет внушительную силу, прекрасно организованную, составленную из отличных солдат, хорошо обученных и воспитанных, руководимых офицерами, всецело преданными своему делу, относящихся к службе с завидной любовью и разумным рвением. Про чувства долга, патриотизма в армии и говорить нечего; эти качества присущи японцам от рождения, это характерные черты нации... Я видел японские войска на походе зимой, при крайне трудных условиях, в бою, правда, с китайцами, но под очень сильным огнем, и не могу отозваться о них иначе, как с искренним уважением и полной похвалой».

Отмечая далее и слабые стороны японской армии – неудовлетворительное состояние артиллерии, малочисленность кавалерии и слабую подготовку инженерных войск, российский военный агент резюмировал свои впечатления следующим образом:

«Я не удивлюсь, если через 10–15 лет японская армия будет отнесена к числу перво-классных. А за этой армией стоит нация, честолюбивая, готовая на все жертвы для славы Японии. Одержав победу над Китаем, у нее не будет другого стремления, как померяться силами с европейской державой, а таковой может быть либо Россия, либо Англия»⁷¹.

Как известно, именно так и случилось, сначала в 1904–1905 гг., а затем в 1939–1945 гг.

⁷⁰ Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 316, 319, 322 (с уточнениями на с. 149).

⁷¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. № 61. СПб., 1895. С. 107–109; См.: Добычина Е. В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 гг. // Отечественная история. 2000. № 4. С. 163.

Несколько более скептического взгляда на вооруженные силы островного государства придерживался полковник Н. И. Янжул. В одном из рапортов, датированном декабрем 1898 г., он обращал внимание на внутривосточные факторы экспансии Токио в Восточной Азии:

«С нашей, русской, точки зрения, в настоящем фазисе внутренних отношений Японии важно и несомненно лишь одно, что, невзирая на финансовые неурядицы, японское правительство продолжает оставаться под влиянием воинствующих и шовинистических элементов общественного мнения и упорно готовится к будущей, при благоприятных обстоятельствах, борьбе за преобладание на Крайнем Востоке и ближайшим образом – за господство в Корее...»

Обращая далее внимание на возможность англо-американо-японского союза (который де-факто действовал в 1904–1905 гг.), Янжул сделал важное заключение:

«Все это указывает на крайнюю необходимость с нашей стороны особенной бдительности и полной готовности ко всякого рода случайностям»⁷².

Сбор и анализ информации подполковником (а с середины 1900 г. – полковником) Г. М. Ванновским, который сменил Янжула в Стране восходящего солнца, очень скоро вызвал серьезные нарекания со стороны Петербурга. По воспоминаниям видного представителя элиты вооруженных сил А. А. Поливанова, занимавшего на рубеже веков должность главного редактора таких официальных изданий, как «Военный сборник» и «Русский инвалид», Ванновский отказывал посланнику А. П. Извольскому в предоставлении каких-либо сведений о японской армии⁷³

⁷² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6535. Л. 11–11 об. Янжул – начальнику штаба Приамурского военного округа генерал майору Чичагову, Токио, декабрь 1898 г.

⁷³ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 87.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.